

ВСТУПЛЕНІЕ.

Каждый путешественникъ считаетъ непремѣнною обязанностію объявить читателямъ побудительныя причины своего путешествія. Изъ глубокаго уваженія къ моимъ знаменитымъ предшественникамъ, начиная отъ Г. Буген-виля, который совершилъ путешествіе вокругъ свѣта, до Г. де-Местра, который сдѣлалъ путешествіе вокругъ своей комнаты, — слѣдую ихъ примѣру.

Ктомужь, въ моемъ вступленіи, не смотря на его краткость, есть двѣ весьма важныя вещи, которыхъ чита-

II

тель нигдѣ не найдеть въ другомъ мѣстѣ : во-первыхъ — рецептъ противъ холеры ; во-вторыхъ, — доказательство непогрѣшительности Журналовъ.

15 апрѣля 1832 года , только что я вошелъ въ свою комнату, проводивъ до лѣстницы моихъ добрыхъ и знаменитыхъ пріятелей, Литца и Буланже, съ которыми весь вечеръ предохранялся противъ общаго бича — холеры, сильными пріемами чернаго чаю , — какъ почувствовалъ въ ногахъ совершенное онемѣніе ; въ ту же минуту въ глазахъ заискрилось и дрожь пробѣжала по всему тѣлу ; я едва удержался за столъ. У меня открылась холера.

Азіятская-ли она была или Европейская, эпидемическая или эндемическая, не умѣю вамъ сказать ; знаю только ,

что тогда чувствовалъ : именно, что черезъ пять минутъ не въ состояніи буду повернуть языкомъ, и поспѣшно велѣлъ подать себѣ сахару и эфиру.

Моя ключница, очень смышленная женщина, видѣла иногда, что послѣ обѣда я обмакивалъ кусокъ сахару въ ромъ, и тотчасъ догадалась, что я спрашиваю чего нибудь въ томъ же родѣ. Она налила чистымъ эфиромъ полную ликерную рюмку, положила въ нее огромный кусокъ сахару, какой только могла найти, и принесла ко мнѣ, когда я уже лежалъ въ постели, дрожа всѣми членами.

Впадая въ безпамятство, я машинально протянулъ руку, почувствовалъ, что въ нее кладутъ «что-то» и говорять : *«Выпейте, сударь, вамъ будетъ легче.»* Я поднесъ рюмку къ гу-

IV

бамъ и проглотилъ все, что тамъ было, то-есть, полсклянки эфпру:

Невозможно описать переворота, который послѣдовалъ во всемъ моемъ тѣлѣ, когда эта адская жидкость проникла въ мою внутренность: я тотчасъ лишился чувствъ. Черезъ часъ я опаматовался: все мое тѣло было обвернуто мѣховымъ ковромъ; ноги согрѣвались кувшиномъ съ кипяткомъ: два человѣка съ грѣлками, наполненными огнемъ, терли меня по всемъ суставамъ. Въ первую минуту я почувствовалъ себя мертвымъ и въ аду, внутри — эфпръ жегъ мнѣ грудь; снаружи — сильнымъ треніемъ едва не сдирали съ меня кожу; наконецъ, черезъ четверть часа, холодъ сдался; потъ пошелъ съ меня въ три ручья, какъ у Библисы Г-на Дюпати, и докторъ объ-

лвилъ мнѣ что я — внѣ опасности. Да и пора было: еще бы немного погрѣвъ, и я изжарился бѣ, какъ дичь на вертелѣ.

Черезъ четыре дня послѣ того, пришелъ ко мнѣ директоръ театра Портъ-Сень-Мартена, и сѣлъ у меня въ ногахъ на постели; его театръ былъ еще больше меня, почти при - смерти, и умирающій звалъ къ себѣ на помощь выздоравливающаго. Г. Гарель сказалъ мнѣ, что ему надобно, по большей мѣрѣ черезъ двѣ недѣли, пьесу, которая принесла-бы ему, по меньшей мѣрѣ, пятьдесятъ тысячъ экую, и чтобы склонить меня занятья ею, прибавилъ, что мое лихорадочное состояніе чрезвычайно благопріятствуетъ умственному труду, потому что содержитъ мозгъ въ сильномъ напряженіи.

VI

Этотъ доводъ показался мнѣ столь убѣдительнымъ , что я тотчасъ принялся за работу : кончилъ се черезъ восемь дней, вмѣсто двухъ недѣль, и она принесла ему сто тысячъ экю, вмѣсто пятидесяти тысячъ. Правда и то, что я чуть съ ума не сошелъ.

Этотъ напряженный трудъ несколько не поправилъ меня, и я еще былъ такъ слабъ, что едва могъ держаться на ногахъ, когда узналъ о смерти генерала Ламарка. На другой день семейство покойника назначило меня однимъ изъ комиссаровъ при погребеніи, съ обязанностію поставить артиллерію національной гвардіи, въ которой я числился, на то мѣсто, какое она должна была занимать по военному старшинству въ погребальномъ шествіи.

Весь Парижъ видѣлъ эту печальную церомонію , которой норадокъ , благоговѣйная тишина и патріотизмъ , сообщали какой то возвышенный характеръ. Кто превратилъ этотъ порядокъ въ смятеніе , тишину въ раздраженіе , патріотизмъ въ мятежъ , — этого я не знаю , или не хочу знать.

9 іюня я прочелъ въ легитимистской газетѣ , что меня взяли съ оружіемъ въ рукахъ въ дѣлъ при монастырѣ Сепъ-Мери , ночью судили военнымъ судомъ , и въ три часа утра разстрѣляли.

Это извѣстіе было такъ офиціально , моя казнь , вирожденіи которой я показалъ необыкновенное мужество , описана съ такими подробностями , все свѣденія объ этомъ дѣлѣ почерпнуты изъ такого вѣрнаго источника ,

VIII

что, признаюсь, въ первую минуту я готовъ былъ повѣрить газетѣ; ктому жъ, издатель ся въ первый разъ отозвался обо мнѣ съ хорошей стороны: очевидно было, что онъ вѣрилъ моей смерти.

Я сбросилъ съ себя одѣяло, вскочилъ съ постели и побѣжалъ къ зеркалу, чтобы самому удостовѣриться въ моемъ существованіи. Въ ту же минуту дверь моей комнаты отворилась, вошелъ коммисіонеръ и подаль мнѣ записку отъ Шарля Нодье, слѣдующаго содержанія:

«Любезнѣйшій Александръ!

«Сей-часъ я прочелъ въ газетѣ, что тебя разстрѣляли вчера въ три часа утра; сдѣлай одолженіе увѣдомъ меня, не помѣшаетъ ли тебѣ этотъ случай отобѣдать завтра въ Арсеналѣ съ Тайлоромъ?»

Я велѣлъ сказать Шарлю, что живъ я или мертвъ, не могу отвѣчать ему удовлетворительно, потому что самъ еще не разрѣшилъ этого вопроса; но что, въ томъ и другомъ случаѣ, непремѣнно буду съ нимъ обѣдать завтра: и потому ему остается только быть готовымъ, подобно дошъ Жуану, угощать, въ случаѣ нужды, и статую командора.

На другой день слухъ о моей смерти былъ опровергнутъ; однакожъ я этимъ не много выигралъ, потому что все еще былъ очень нездоровъ, и наконецъ мой докторъ предписалъ мнѣ то, что доктора обыкновенно предписываютъ, когда истощать весь запасъ рецептовъ, а именно:

Х

Путешествіе по Швейцаріи.

**Вслѣдствіи того, 21 іюля 1832 года,
я выѣхалъ изъ Парижа.**

